

Алесь Адамович, замечательный белорусский писатель и публицист, одним из первых в мире реально осознал и оценил масштабы крупнейшей техногенной катастрофы XX века, ее последствия для судеб и его родной земли, и нашей такой небольшой планеты.

Чернобыльская беда, обрушившаяся на Беларусь, а именно она пострадала от случившейся аварии более всего, — это личная трагедия писателя, боль, пропущенная через его сердце.

К сожалению, опасность развязывания атомной войны, которая в 80-е гг. также очень тревожила писателя, и сегодня еще не снята с повестки дня, ядерное оружие располагается по планете.

Вот почему сборник произведений Алеся Адамовича, и художественных, и публицистических, в которых затрагивается тема Чернобыля, тема взаимоотношений человека и Атома, человека и Бомбы, так актуален и сегодня.

Я рад, что эта книга увидела свет, причем в год 20-летия Чернобыльской аварии и накануне 20-летия Форума «За безъядерный мир, за выживание человечества».

Она написана болью души.

Академик Е.П. Велихов
2006 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Так получилось, что как раз в ночь с 25 на 26 апреля я летел лечиться на Кавказ, а на земле в это время все как раз совершалось. Первая информация по телевидению об аварии в каком-то Чернобыле прозвучала невнятно, но тревога кольнула: в 1986 г. мы все еще жили с привычкой, что о таких вещах не сообщают, но уж если сообщили... Вдали от родины тревога о том, что дома происходит, всегда острее. Поэтому, когда вернулся в Минск, оказался, может быть, самым восприимчивым к чернобыльской информации».

Благодаря встречам, беседам с учеными, специалистами к А. Адамовичу пришло осознание, что на самом деле происходит на родной земле. Так рождалось его отчаянное письмо к власти, а именно к М.С. Горбачеву.

Атомное оружие, атомная энергетика не были для А. Адамовича *terra incognita*. Он отлично понимал, чем это грозит человечеству в случае войны или аварии, о чем свидетельствуют его дневниковые записи и другие работы (еще до Чернобыля). Он много об этом думал, читал, писал.

А мысль, что с появлением атомной бомбы «человечество стало смертным в двадцатом веке», — важнейшая в его творчестве в 80-е годы. В 1983 году он очень внимательно читает книгу американского публициста Джонатана Шелла «Судьба Земли» (1982), с великим трудом попавшую в его руки, в которой подробно говорилось о последствиях атомных взрывов, о страшном влиянии радиации на природу и человека.

Он пытался до конца понять, что такое атомная бомба и что она несет человечеству.

Когда случился Чернобыль, он уже мог представить его реальные масштабы: ведь из 350 условных хиросимских бомб 300 упали на Беларусь.

В статье «Чернобыль и власть» А. Адамович подробно рассказал об истории писем М.С. Горбачеву, о встрече с первым секретарем ЦК КПБ Н.Слюньковым.

Его потрясла бездумная журналистская фраза: «Ветер, к счастью, дул не на Киев...»

Эта фраза неоднократно прозвучит в его статьях и выступлениях, камнем ляжет на его сердце.

Собственно литературное творчество отодвинуто в сторону. Митинги, «Чернобыльскія шляхі», выступления в Беларуси и за рубежом, и публицистика, как говорят, блестящая.

Он приходит к выводу, что Чернобыль — крупнейшая из глобальных катастроф XX века.

Через пять лет он писал, что «это — надолго. Чернобыль не позади, он впереди, на много десятилетий и даже столетий».

Он считал, что «спасение — в альтернативной, не отравляющей и не разрушающей природную среду энергетике».

В последние два года (после инфаркта) он вернулся к художественному творчеству. Публикует в журналах повести: «Венера, или Как я был крепостником», «Немой», «Vіхі». Умер от второго инфаркта 26 января 1994 года.

Письмо от В. Быкова А. Адамовичу

Саша, дорогой дружище!

Только что у нас была Вера¹, угостила куличом и яйцами (к Пасхе), Ирина² проводила ее, а я сел за это письмо. Мы тут, шутя, сочиняли тебе телеграмму в том смысле, чтобы ты берег себя, т/ак/ к/ак/ вполне возможно, что представляешь теперь единственный экз/емпляр/ генофонда нации, который понадобится вскоре на родине. В общем, сейчас обстановка, кажется, нормализовалась (или около того), но дело в том, что в первые дни, которые выпали на выходные, никто радиоактивность не измерял, а именно тогда через всю Белоруссию на север прошел радиоактивный шлейф, в котором была наибольшая концентрация. Еще и в понедельник приборы оказались зашкаленными от 20–30-кратного превышения нормы. Два южных района Гомельщины эвакуируются.

Вот такие наши дела. Многие весьма огорчены, другие же не обращают внимания — пьют и гуляют, как и всегда на праздник. ...

Погода у нас переменилась, стало холодно, хотя сухо (а надобен дождь, чтобы смыть всю эту пыльно-радиоактивную гадость). Очень не весело вообще...

...Саша, ты за нас не тревожься: мы во власти божией — иначе не скажешь. Пьём йод (4 капли на полстакана молока) и

¹ Вера Семеновна — жена А.М. Адамовича.

² Ирина Михайловна — жена В.В. Быкова.

каберне, говорят, выводит. Но, говорят, водка выводит лучше, если бы она была. Водки нет! Даже на праздник...

Очень желаем тебе хорошей погоды и безоблачного настроения.

И — приезжай бодрым и здоровым.

Обнимаем.

*Твой Василь и Ирина.
03 мая 1986 г. [Минск]*

Письмо В.В. Быкову

Дорогие пострадавшие — Василек, Ирина и весь народ, теперь уже дважды хатынский! Или так: хатынский и плюс хиросимский. Одно кличет другое, так уж на небесах записано, что ли.

Шлю молитвы за вас всех, над кем прополз шлейф нашей высокочтимой науки, с отвращением вспоминается телефизиономия главного по этим делам академика (полгода назад вещал из телящика)—конечно же, всякие там опасения за «мирный атом», это у них там, а мы оптимисты и начхать. Рядом с бюрократом казенный оптимист — главный наш могильщик. Благодаря «патриотическому оптимизму» мы войну встретили в подштанниках. А теперь вот — Чернобыль. Интересно, будем достраивать свой — в 30 км от Минска? Или все-таки спохватимся? Хотя бы такой ценой.

А я, как нарочно, уехал от всех вас. И от Наташи¹ с Верой. Что-то вроде дезертира. Не «генофонд», а дезертир!

Нет, мир спятил! Те вон руки от злорадства потирают, а мы рассказываем, как здорово показали себя пожарники и милиционеры. Можно представить (легко это сделать) как **60 раз** уничтоженная жизнь будет тенью, пеплом удаляться от планеты Земля, а звучать будут все те же тени-голоса: «Здорово мы их, растяп!», «Нет, как здорово пожарники!»...

Я должен ехать к ученым, в Москву. Интересно бы спросить высоколобых: отвечает или не отвечает ученый-физик, химик и т.п., если его опасную штучку доводит, реализует безответственно-пьяный (или с похмелья) «дядя Вася»? (Мелиораторов уже об этом спросили — машут руками, а мы причем, если

¹ Дочь А.М. Адамовича.

наше добро обращают во зло на последнем прогоне!) Думаю, что они в ответе. Думай про всю цепочку, а если ненадежная, тогда подумай еще раз!

А ты говоришь, водки нема! Да я бы отдал нас всех на годик-два в руки Карпюка¹ и Дудочкина², они бы осушили — да здравствует вот такая мелиорация!

Значит, не хотите сюда? Отпусти тогда Ирину с Верой и Наташей, раз сам к Тэтчер рвешься. Пусть погуляют, пока можно, пока здесь чисто. Покажу Кавказ, хотя бы с севера.

Обнимаю и желаю, чтобы все это — на сухой лес!

Ваш Адамович.

7.5.86 [г. Железноводск]

Письмо И.А. Дедкову³

Дорогой Игорь Александрович!

Сегодня вернулся из Железноводска на свою, теперь уже дважды многострадальную, землю. Вы там даже не представляете, что это и как, и чем обернется в будущем. Этот самый, будь он проклят, мирный атом оказался с лицом, да нет, харей того же кровожадного Марса и хотя ногами стоял на земле украинской, но к ней спиной, а к нам харей развернулся — по ветру. Ну и...

Могу лишь сказать, что той умиротворяющей земли, края, который Вам знаком, уже нет, и будет ли, — не знаю. И мы — не те.

Вмиг все изменилось.

Спрашиваете еще и о нашем съезде. Мура все это.

Я выступал о герое нашего времени — о бюрократе. Не знал только, что дела его еще и радиоактивностью грозят.

Привет Вам, жму руку! А костромчанам — восточного ветра!

А. Адамович.

22.05.86

[г. Минск]

¹ Карпюк Алексей Никифорович — белорусский писатель.

² Дудочкин Петр Петрович — русский писатель. Оба писателя — противники алкоголя.

³ Дедков Игорь Александрович — русский критик, жил в Костроме, последние годы — в Москве.

УЗС.

Глубокоуважаемый Михаил
Сергеевич!

То, что касается, не относится то,
что Вы здесь работаете, засчит
за счет высшей школы Франции
Ивнеса Адамовича. Я вижу

то, что знают и думают ^{многие} ~~то~~
крупнейшие ~~французские и некоторые~~
урезанные ~~и некоторые~~ научные
работники, у ^{нас} ~~нас~~ Вы и ~~и~~
~~самые~~ ^{горячие} ~~ответственные~~
работники обдуманные ^{среди} ~~то~~
работает. Но ~~то~~ Сюзанн
Габелен о франках, а все равно
до граде Вы не обязаны.

И я могу высказать, но
забота о ~~ваших~~
^{вариантных} ~~услугах~~ ^{последствиях}
но службе. Но ^{то} ~~то~~ ^{то} ~~то~~
вижу Вам &

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК
(май 1986 — 1992 гг.)

Два выступл/ения/ по поводу Ч/ернобыльской/ катастрофы:

— На съезде в июне.

— На конфер/енции/ ученых в защиту мира.

1. Из облака, зловеще проплывшего над севером Укр/аины/ и югом Бел/оруссии/, выглянул лик, отнюдь не святой. Сталина. А этот-то причем? Очень даже причем.

Как в 41-м — уже война гремит, а те, кому положено принимать решения, загнув голову, пытаются услышать его распоряжение: считать или не считать это войной?.. Узнали, что взорвалась [АЭС], что пошла на Бел/оруссию/, на многострадальную снова, Н/естеренко/¹ бегаёт, всем сообщает: идет! идет! надо объявить, предупредить население! (то же, очевидно, и в Киеве происходит), но у сформированных им чиновников одна мысль: а что потом нам скажут! Сдыхайте, но себя соблюдаем! Сдыхайте, но политика прежде всего! Те 18-летние девочки, что сейчас в минской больнице — с Гомельщины, не получили бы 1000 рентген, потому что не стояли бы на окнах, не мыли бы их, а захлопнули бы. И сколько таких? Не знаем, время проявит и страшно думать.

Можно представить, что речь шла бы и о ядер/ной/ войне, а они бы все прикидывали: а не пострадает ли политика? Погибнет все, зато политику соблюдаем!

Гласность! Вот и проявилось, в экстремальных условиях, насколько все это болтовня. Также и «новое мышление». Да какое новое, хотя бы просто элементарно человеческое.

Нет, в бюрократической машине заложено это — абсолютная расчеловеченность.

Из всего можно извлечь уроки. Невозможно только из ядер/ной/ всеобщей войны — некому. А так возможно — из Чернобыля тоже.

О воен/ном/ атоме из трагедии мирного. Но о мирном мало гов/орят/, а надо бы. Ведь это — сродни малой Хиросиме — в принципе.

¹ Нестеренко Василий Борисович — белорусский ученый в области ядерной энергетики и радиоактивной безопасности, с 1977 г. — директор ин-та ядерной энергетики АН БССР, с 1987 г. — зав. лабораторией этого инта. С 1990 г. — директор института «БелРад».

Почему-то оцен/ивается/ случивш/еся/ как стихийное бедствие. А ведь за этим чей-то проект, монтаж/ные/ раб/оты/, эксплуатация.

Меня все мучит вопрос: кто кликнул: «Дадим досрочно»? Где он, чем сегодня руководит?

Это досрочно-то притом, что работник наш и без того исхалтурился. Так ему еще алиби! Как тому В.В. Прохорову — старший инженер проекта, будем помнить своих героев — к/отор/ый проектир/овал/ молдавский канал под соленый раствор. Мол, зато не за 5, а за 3 года! Так и объясняет «Комсомолка»!

...Так давайте народу этих ядер/ных/ прохоровых, почему мы их щадим, тех, из-за кого погибли героич/еские/ реб/ята/ — пожар/ные/ и женщины делают «выброс» — до 5 месяцев. Сегодня, а тем более приехав из Белоруссии, не могу, не имею права не гов/орить/ о Чернобыле. Два аспекта: внешний, внутренний.

2. Вот и проявилось в полную силу, потому что в экстремальных условиях, то, против чего нужна «настоящая революция», как в начале назвал это М.С. Горбачев, а вместо чего пока — словесные упражнения, уговоры, бюрократию увещеваем не быть бюрократией.

Чернобыль высветил всю картину того, что названо «застоем», но что можно назвать и «закостенением», и «развалом» (и то и др. — хотя вроде о разном состоянии эти слова).

Урок Чернобыля: «Нужны самые строгие требования везде и во всем ...вопросы дисциплины порядка, организованности приобретают первостепенное значение» (М. Горбачев).

Два аспекта «уроков» — внешний (угроза атома) и внутренний — угроза со стороны бардака: конструкторского (проектного), технического и эксплуатационного.

Будет установлено, кто и что повинно больше.

Допустим, проект окажется идеальным, значит, вина снимается с ученых? Если виноваты послед/ние/ звенья цепочки?

Нет и нет! Как не снимается с мелиораторов за засоление черноземов по причине, что воду поставляют в руки небрежные, безразличные, «колхозные» (в самом плохом смысле этого слова). Ну а что дожидаться, когда остальная «цепочка» отладится? А до того — нет? Да, так и только так! Если сомневаетесь, вообразите полож/ение/ и судьбу тысяч и тысяч людей в Бел/оруссии/ и на Укр/аине/, к/отор/ых накрыло «облако».

И кто имел право сделать воздух, воду, саму землю неуютной для целых народов. А ведь это так! Езжайте на Гомельщину и поживите там — почувствуете сразу.

Один из участн/иков/ первого испыт/ания/ ядерного устройства, увидев гриб, сказал:

— Теперь все мы — негодяи!

Думаю, что и проектировщики, и строители, и эксплуатационники (и те, кто торопил их всех, чтобы отрапортовать досрочно — помним фанфары, когда принимали «досрочный» объект) — все, если бы они умели быть честными, повторили бы эти слова.

И вот еще это, м.б., главное: не следует ли вернуться нашим специалистам к вопросу, дискуссии, к/отор/ая была свернута в свое время явно волевым, бюрократическим нажимом: следует ли строить такие станции близ больших городов. Например, в 30 км от Минска (заметьте и цифра-то, цифра, которая столько раз повторяется в связи с Чернобылем — 30 км зона!) Что достигается, экономится? Да один такой Чернобыль вблизи Москвы, Лен/ингра/да, Киева, Минска — страшно и вообразить — вот тут уже наэкономим!

Чтобы мы теперь ни писали, ни провозглашали — святая (а точнее, слепая) вера в надежность таких станций подорвана не менее, чем на поколение-два. И кто имеет право создавать психол/огическое/ напряжение огром/ному/ городу таким соседством?

И снова спросим себя: есть ли хоть один серьезный ученый: к/отор/ый скажет, что 100%-я безопасность возможна в ближайшие 50 лет? Вряд ли. Так как же можно?

К вопросу этому надо возвращаться заново. Если уж гласность, то в этом должна быть предельная. Несмотря на то, что именно — в ядер/ных/ делах — особенно уютно поселяется бюрократическая триада: тайна, чудо, авторитет.

Преуменьшая размеры беды, мы лишаем сочувствия тех, кто пострадал во многих р/айон/ах. Настоящего, народного. Казенное не в счет.

13–15 мая 86 г.

Боюсь, что и энтузиазм строит/ельства/ как можно большего количества станций в районах как можно больше населенных — приходит (или придет) время повторить эти честные слова. [Теперь все мы — негодяи!]

Если не перестанут люди множить их, а бросят все усилия на то, чтобы добиться 100%-й безопасности. Не 90, не 99 и 9 десятых, а именно 100.

Народ наш мужественно встретил общую /беду/, а для Укр/аины/ и Бел/оруссии/ — особенно грозную и не кратковременную (вы-то не журналисты, знаете). Но не будем обманывать себя и считать, что так было бы и второй, и в третий раз. Есть всему пределы. И если наш современник/, просвещенный, начал бы отлавливать, нас, ученых, как в Сред/ние/ века врачей — поделом! Если позволим случиться этому хотя бы еще раз. И тем более, что настроили (и строим — возле самого Минска) рядом с огромным городом.

А ведь акад/емик/ Капица¹, да и не один он, — предупреждал.

Глаза у людей в 3–5 районах, непосредственно испытавших поражающее/ действие радиации — напоминают то, что помним с войны. Особенно дети. Беженство, эвакуация — прямо в масштабах, задевающих всю нацию. Беда исторического масштаба.

Вы представляете, как читать нам в печати — там, в Бел/оруссии/. Строител/ьство/ станций (такого типа) будет продолжаться неотступно — посчитали нужным заявить некот/орые/ тов/арищи/, тут же. Что это, как не бюрократическое/ «наплевать», — на что? На трагедию двух народов. С холодным обещанием таких же вероятностей другим нашим республикам. А м.б., и там же — вон в 40 км от Минска заложен свой Чернобыль.

Не с этого надо бы, а с заботы о том, чтобы переоценить все и пересмотреть.

И, м.б., вспомнить, что писал и гов/орил/ об этих вещах акад/емик/ Капица — и не он один.

Что получается, когда одна часть науки, ученых, опираясь на бюрократию, получает право не логикой, убежденностью, знаниями своего добиться, а лишь потому, что обслуживает ведомственные интересы ведомств.

То, что у мелиораторов — засоление земель и т.д.

У «мирного атома» — строител/ьство/ станций в самых населенных районах страны, на вел/иких/ реках, одним словом — Чернобыль.

¹ Капица Петр Леонидович — физик, академик АН СССР, директор института физических проблем им. С.П. Вавилова АН СССР.

Почему я гов/орю/ об этом?

Мы уже несколько раз читали: [атомная] программа будет неизменной!

Неужто? Неужто то, что произошло — а что, приезжайте в Бел/оруссию/, если осмелитесь, в юж/ные/ р/айо/ны, и посмотр/ите/ в глаза тем, кто еще не уехал...

Мужество, да. Но как мы себе представл/яем/ еще один такой случай и реакцию народа (да, всего народа) на это.

Из всего можно извлечь уроки. Невозможно только из ядерной войны. А из Чернобыля еще можно.

Эта невидимая радиация, которая проникает в тебя, ты знаешь, в этот миг, в каждый миг, она меняет все: ты вроде как бы другой кто-то, а все вокруг — тоже чужое — незнакомое. Кто-то другой на другой планете.

25.05.86

Минск

Перед учеными-физиками и пр. —

Велиховское¹ собрание в защиту мира, 27.05.86

Здесь собрались ученые, а некоторые, как Е.П. /Велихов/, только что из Чернобыля, и не вам рассказывать, что это такое: все первые 10, а то и больше дней ветер безжалостно тянул в сторону Белоруссии — через три из пяти ее областей. Как написал один из корресп/ондентов/: «К счастью, ветер дул не на Киев!»

И если в голосе моем услышите, уловите, обнаружите несколько лишних миллирентген — не обессудьте.

Монополия на истину в науке всегда была опасна для самой науки. Но лысенковщина показала, продемонстрировала, сколь в наших условиях она, такая монополия, опасна для всего народного хозяйства и для самой жизни народа, страны.

Если нужны еще примеры: мелиорация, Гидропроект: каких они дров наломали, надолго заткнув рот оппонентам с помощью ведомственных бюрократов — все это на слуху у вас.

Дошла очередь и до вас, физиков, — оглянуться на себя, оглядеть свое хозяйство с этой стороны. Не вам объяснять, что Чернобыль — прямой результат монополии на истину и, глав-

¹ Велихов Евгений Павлович — физик, академик, зам. директора ИАЭ им. И.В. Курчатова, вице-президент АН СССР. С 1992 г. — Президент Российского научного центра «Курчатовский институт».

ное, принятие решений тех ученых, которые отстаивали и отстаивают точку зрения допустимости сооружения АЭС в густонаселенных районах, на центральных реках. Мы все хорошо помним, что были и противоположные точки зрения, аргументы, позиции. И среди них — голос академика Петра Капицы.

И не в том дело даже, что одна из точек зрения тогда победила: так всегда бывает, когда приходится принимать практические решения, а в том беда, что оппонирующая точка зрения была заглушена быстро, намертво, полностью. Это, надо сказать, лучше и быстрее удалось, чем заглушить реактор в Чернобыле. А ведь она могла и должна была действовать, оппонировать точка зрения, позиция несогласных, понуждая практиков выбирать оптимальные варианты, не развращаясь монопольностью своей.

Когда бы не установилась монополия одних, те, другие, вовремя предупредили бы о недопустимости **так** проектировать, **так** строить, **так** обслуживать АЭС.

Ну, так, м.б., хоть сейчас мы их услышим. Почему-то не слышно их в прессе. Услышим, и голоса их не будут больше заглушены.

Мы говорим о мужестве наших людей: и тех, кто на дот грудью, идут на проклятый этот реактор, и жителей украинских и белорусских сел и городов.

Но неужели у кого-нибудь достанет, простите, просто-таки смелости еще раз подвергнуть народ наш, его долготерпение такому вот испытанию?

При повышенной радиации текут непроизвольно слезы: вы не видели вот так плачущих маленьких детей? Мы уже видели.

Да, Чернобыль заставляет думать, говорить о том, что принесла бы война, где уже не мирный атом вырвался бы из-под контроля.

Об этом мы читаем в газетах и сами думаем об этом. Только из ядер/ной/ войны нельзя будет извлечь уроков. А из Черн/обыля/ — можно.

Белорусы перескромничали, когда гов/орили/: ничего, задело!

То, что произошло, происходит, все более сопоставимо с бедствием минувшей войны.

Не верьте нам!

Скромность белорусов повернулась против них. Не верьте, ради Бога, что нормально. Нужна помощь, почти как в 1944 г.